

НОЧНЫЯ ВИДѢНІЯ,
ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНІЯ НЕЩАСТНОЙ
АМАНДЫ,
И
Варварства ея мужа.

Сочиненіе
АННЫ РАДКЛИФЪ,
Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА.
ВЪ Губернкой Типографїи,
у А. Рѣшеничкова
1811 года.

—————

Съ одобренія Цензурнаго Ко-
митета учрежденнаго для
округа Императорскаго Мос-
ковскаго Университета.

—————

Приключенія несчастной Аманды и варварство ея мужа есть истинная исторія, всѣмъ старымъ Лондонскимъ жителямъ извѣстная. — Ахъ! и теперь еще содрогается вся Великобританская столица симъ ужаснымъ воспомина-ніемъ. — Мнѣ доставили манускриптъ сей, и я совершенно въ томъ видѣ рѣшилась представить его публикѣ, — ибо, истинна не требуетъ украшеній! —

Радклифъ.

НОЧНЫЯ ВИДѢНІЯ,

Г Л А В А

п е р в а я .

Бьетъ полночь! — ужасный и безмолвный часъ! . . . Унылый звукъ колокола, возвращающій его среди тишины и глубокой ночи, производитъ въ сердцѣ какой-то страхъ и благоговѣніе. —

Угрюмая зима начинаетъ царствовать въ природѣ; —

Ноябрь проходитъ — уже глубокой снѣгъ покрылъ землю и падаетъ еще хлопьями на зимнюю одежду. Атмосфера наполнена густыми парами, сжатыми спущею, и не освѣщена ни лучами мѣсяца, ни зыблющимся свѣтомъ звѣздъ — все мертво и задумчиво.

„Что такое движется между деревъ этой рощи? сказалъ съ удивленіемъ священникъ, приближившись къ окошку, что бы посмотреть на погоду — конечно, продолжалъ онъ, глаза мои ме-

ня не обманываютъ ! Я при-
мѣчаю тамъ человека , ко-
торой кажется , блуждаетъ
въ ночной темнотѣ . Онъ от-
воряетъ окно и кричитъ :

Кто тамъ ? —

Нѣтъ отвѣта !

Кто тамъ ? повторяетъ
онъ гораздо громче . . . Тамъ
священникъ услышалъ сла-
бый стонъ , походящій на
удушеніе человека , которой ,
какъ было примѣтно, отъ бо-
ли , или страха тщетно си-

лился произнести свои жалобы .

Ошець Іаковъ (имя священника) подноситъ свѣчку ко окошку и смотритъ со вниманіемъ . Ему кажется , что онъ видитъ женщину , стоящую на колѣняхъ съ распростертыми къ небу руками , и испрашивающую себѣ помощи . Онъ спрашиваетъ снова . — извуки очень не вяжные , какъ и въ первый разъ были ему отвѣтами .

Это удивительное явленіе наводитъ на него сильный

ужасъ , которой предста-
вляетъ ему еще множество
странныхъ привидѣній. — Видъ
человѣка , бродящій въ под-
ночь въ сильной морозъ ; глу-
бое молчаніе , по всюду
царствующее , — все способ-
ствуетъ привести въ движе-
ніе его чувства . Отецъ Га-
ковъ разсматриваетъ съ ве-
ликою робостію таинствен-
ной предметъ , возбуждаю-
щій въ немъ такой ужасъ .
Ему кажется онъ опять слы-
шитъ родъ сиповатаго сто-
на ; шутъ не смѣя заворить
окно , схватываетъ колоколь-

чикъ и ударяетъ его объ полъ,
чтобы разбудить двухъ слугъ
своихъ .

Г Л А В А

В ш о р а я .

Что такое бабюшка ? ска-
заль Жое , протирая глаза ,
вошедши къ нему съ своею
женою , — не видали ли вы
во снѣ чего нибудь худаго ?
вотъ тѣ на ! продолжалъ
онъ , отворено окошко въ ша-
кую холодную погоду ! Ахъ

великій Боже! о чемъ вы думаете отецъ Іаковъ?

Священникъ дрожа отъ страха, дѣлаетъ знакъ и приближается съ ними къ окошку.

„Охъ — охъ! какъ сильно въперъ дуетъ! — онъ рѣжетъ какъ бритва; но что я вижу? Не ужели у меня куриная слѣпоца сказалъ Жое, фигура вмѣсто того, чтобъ стоять какъ прежде на колѣнахъ, казалось упала на снѣгъ, по которому и валялась.— Эпо женщина! Господи

прости меня! продолжалъ Жое, и я отвѣчаю невѣсть чѣмъ, что она умерла. — Я принуждена была прогнать со двора нѣсколькихъ вчерашней день, сказала съ презрѣніемъ Дорошея.

Священникъ чувствовалъ, что его должность заставляла помочь несчастному; какой бы онъ ни былъ; но отъ страха ничего не могъ предпринять, а больше всего опасаясь, чтобъ слѣдуя долгу, челоуѣколюбія, не пожертвовать какимъ-нибудь собствен-

ными своими выгодами;— вотъ что препятствовало ему исполнить это хорошее дѣло. Но Жое, простой, доброй мужикъ, имѣлъ болѣе его состраданія и мѣнѣе робости; а потому не смотря на жену свою, ворчавшую что-то промежъ зубъ, и не дожидаясь приказовъ отъ отца Иакова, сошелъ въ садъ и приблизясь къ жалостному предмету, лежащему безчувственно на землѣ, кричалъ священнику и женѣ своей глядѣвшимъ въ окошко, что она

ни чуть ни нищая, и что на-
прошивъ похожа на знатную
даму, но что она безъ памяти,
вся оледенѣла, и что сверхъ
того, прибавилъ онъ, я ду-
маю, она умерла...

Сей добрый крестьянинъ
и шувъ не дожидаясь при-
казовъ отца Иакова, кото-
рой можетъ быть не распо-
ложенъ былъ и данъ ихъ,
взялъ ее на руки, принесъ
въ кухню и посадилъ про-
шивъ очага. — Священникъ и
служанка наконецъ сошли ту-
да же. Отецъ Иаковъ прежде

всего началъ прилѣжно запи-
рать двери; между тѣмъ
Жюе бранилъ свою жену за
ея равнодушіе и безчеловѣ-
чіе, — Пойдемъ! что ты тутъ
дѣлаешь, или ты не подвиж-
на какъ этотъ домъ? ска-
залъ онъ ей, посмотри, какъ
бы помочь этой жалкой го-
спожѣ, если она еще не
умерла; лице знакомое
кажется, что я видѣла эту
молодую барыню гдѣ нибудь
здѣсь, но не знаю гдѣ. Гдѣ бы
то ни было, однакожъ не
надобно ее оставлять въ през

рѣнии, какъ собаку, сказа-
завъ Жое.

Сїи слова пробудили отъ
хладнокровїя сердце Доро-
шеи, и родили въ ней сожа-
лѣніе и сказать правду, сколь
безчувственна ни была бы
сія женщина, но почти не
возможно, щобъ не почув-
ствовала состраданїя, смол-
ря на такой несчастной пред-
метъ. Она начала тереть ей
ладони и потомъ дала ню-
хать уксусу и спиршу.

Г Л А В А

ш р е ш ѣ я .

Оспавя на минушу молодую, несчастную особу, которую судьба вручила попеченію опцу Іакову и его домашнимъ, займемъ чипашеля нѣкоторы-ми подробностями опносите-льно къ извясненію слѣ-дующаго .

Въ 1709 году, замокъ Марсѣ Боршонѣ былъ занятъ однимъ молодымъ человѣкомъ Грим-стовѣ, копорой выключая

сего мѣста, владѣль еще важнымъ имѣніемъ и въ сосѣдственныхъ помѣстьяхъ. Этотъ человекъ былъ характера жестокаго и чрезвычайно угрюмаго. Не задолго предъ симъ, здѣсь умерла мать его, которая, будучи долгое время въ шажкой болѣзни, не знала что происходило въ домѣ. Между тѣмъ сынъ ушавъ отъ нее женидбу свою съ одною молодою особою очень прекрасною по имени Гже. Ліабюрнъ, потому, что она была дочь одного офицера, котораго убили за

нѣсколько лѣтъ въ Гишпаніи, а болѣе потому, что она не имѣла другаго богатства, кромѣ своей красоты; слѣдовательно, какъ онъ зналъ, что сей неровный бракъ не понравился бы его матери, даже и послѣ смерти ее, онъ также не расположенъ былъ показывать свою жену, и только одинъ изъ его знакомыхъ зналъ ее въ лице, она не имѣла даже никого въ услуженіи, хотя была и нездорова, кромѣ пожилой и очень дурнаго поведенія женщины, которая имѣла связь съ Г.

Гримставомъ, когда онъ былъ еще холосшой.

Спранная жизнь Гримстава подавала на него великое подозрѣніе.— Иногда онъ оплучался на нѣсколько недѣль, и ни кто не зналъ, куда онъ ѣздилъ.— Привозилъ съ собою очень часто въ полночь людей, ни кому здѣсь не извѣстныхъ; а когда они нечаянно были примѣчены сосѣдами, то казались очень подозрительными. Они уѣзжали, какъ сказывали, поздно, а иногда и всю ночь ужасно

пьянствовали съ хозяиномъ , и въ услугахъ была у нихъ одна старая дѣвка . Чтожь касается до молодой его жены , то объ ней ничего не было слышно , и никто не осмѣливался объявить своего мнѣнія о поведеніи Гримстава , ибо весь округъ принадлежалъ сему помѣщику . Онъ безъ сомнѣнія погубилъ бы перваго , который бы осмѣлился говорить противъ него хотя одно слово .

Что касается до отца Иакова , то онъ былъ чело-

вѣкъ тихой, и даже хладнокровный, слѣдственно ни когда не имѣлъ охоты ссориться съ жестокимъ помѣщикомъ его приходу.

Въ 1714 шь году разнесся слухъ, что молодая супруга, на которой за два или за три года Гримставъ женился, умерла, и что тѣло ея помѣщено въ общую семейственную гробницу, такъ какъ и тѣло матери Гримстава. Удовольствуясь сими подробностями, съ сихъ поръ всѣ вѣсти объ этомъ совершенно умолкли.

Тримставъ послѣ сего скоро уѣхалъ и былъ долгое время въ отлучкѣ; это обрадовало всѣхъ тѣхъ, которые имѣли къ нему хотя малое отношеніе, ибо онъ былъ такъ жестокъ, что всякой изъ его подданныхъ дрожалъ въ его присутствіи.

Чрезъ мѣсяцъ возвратился онъ съ молодою дамою на которой женился въ Лондонѣ, обѣщаясь жить съ сосѣдями обходительнѣе, и дѣлать всякое удовольствіе спугнутой своей, которую

только можно найти въ ихъ округѣ. Но его такъ любили, что всѣ убѣгали его посѣщенія, и боялись заплачиваться съ нимъ визитами. Священникъ обѣдалъ у него два раза и видѣлъ молодую жену его, она по наружности очень была пріятна, но казалась такою печальною, такою унылою, что видъ ея раздиралъ сердце видѣвшихъ ее. Сидѣвши на первомъ мѣстѣ стола, она имѣла лице спрадальца, принужденнаго въ шайнѣ сносить свои мученія? — Гримсавъ взглядывалъ на нее

поминушно варварскими взорами, всячески стараясь, чтобъ отецъ Іаковъ не примѣшилъ печали, въ какой находилась его супруга.

Священникъ чувствуя всякой день болѣе отвращенія къ Гну Гримсшаву, пересталъ со всѣмъ къ нему ѣздить, и въ домъ его начало царствовать опять глубокое уединеніе; — ибо жилища его всѣ убѣгали, какъ пещеры какого нибудь дикаго звѣря; любимой его слуга, которой

смотрѣлъ за хозяйствомъ ,
былъ почти одинъ въ домѣ,
и его видѣли тогда толь-
ко, когда сей нелюдимъ вы-
ѣзжалъ изъ своего замка.

Въ 1715 году, во время ре-
волюціи прошелъ слухъ, что
онъ присоединился къ одной
изъ тѣхъ мятежныхъ пар-
тій, которыя восставали на
Правительство, и не было ни
кого въ сосѣдствѣ , которой
бы не желалъ его смерти ; а
что касается до его несча-
стной жены, то ее уже болѣе
не видали, и даже нѣкоторыя

люди открыто говорили, будто она погублена такъ какъ и первая его супруга,

Вотъ случай, съ котораго ~~начинается~~ наша исторія.

Г Л А В А

Ч ~~В~~ **Ш** ~~В~~ **Е** ~~Р~~ **Ш** ~~А~~ **Я**.

Теперь посмотримъ, что ~~предидитъ~~ у нашего священника.

Молодая особа открыла глаза, и прежде всего убѣ.

дншельно просила опца Іакова укрыть ее у себя , и не опсылать въ домъ пытокъ и варварства ; — это , и другія обстоятельствова привели къ заключенію , что они избавили опъ смерти несчастную супругу Гримешава , которой удалось вырваться изъ рукъ немилосердаго своего мужа , можно было даже примѣшшь , что такой страхъ ее происходить не только опъ жестокости ее мужа , и не только опъ несносной ненависти его къ ней ; но еще опъ ужасныхъ привидѣній , ко-

шорыя ея мучили и недавали ни минушы спокойствія, когда ея свирѣпой гонитель, оставлялъ ея одну въ старомъ огромномъ и почти пустомъ замкѣ.

Отецъ Іаковъ, кромѣ ему свойственнаго молодущія, былъ весьма мнишеленъ, и по этому онъ не могъ покровительствовать сей молодой несчастной особѣ, которая его нещадно просила взять къ себѣ, или опослать къ ея родственникамъ. Однакожъ онъ не смѣлъ устремлять гла-

за свои на нее, не могъ хладнокровно слышать жалкія и прерывающіяся слова, которыми она такъ живо, съ такииъ сердечнымъ движеніемъ силилась выразить подробности своей злополучной исторіи. Онъ видѣлъ разность судьбы своей съ несчастнымъ ее положеніемъ и чувствовалъ, что должность его пребовала защитить угнѣщенную невинность. Но его обыкновенная застенчивость, его разчеты въ собственныя выгоды и чрезвычайной страхъ, которой Гримставъ

разсѣялъ по всему окологду —
вѣрно бы подавили всѣ сердечныя его наклонности къ со-
спраданію, естли бы Жюе ,
добрый крестьянинъ , имѣв-
шій довѣренность отъ свя-
щенника не сказалъ, что по-
ка останешся капля крови
въ его жилахъ, не предасть
онъ бѣдную молодую барыню
въ варварскія руки Грамста-
ва, — что подтвердила, про-
тирая глаза , и жена его .
Тутъ ошець Іаковъ разсуж-
дая , что ему надлежало уш-
ромъ вхашь, а для того очень
будещь легко отказашься ,

что онъ не соучаствовалъ въ этомъ дѣлѣ, въ случаѣ ежели, Г. Гримсшавъ захочетъ его преслѣдовать; . согласился, чтобъ Доротея положила молодую Госпожу на постелью ; потомъ , не распорядивъ болѣ ничего, побѣжалъ на разсвѣтъ куда ему было надобно.

Г Л А В А

П я ш а я .

Хотя Доротея была характера грубаго и корыстолю-

бываго, но не могла не про-
нупься бѣдствіемъ женщины,
которую само Провидѣніе
препоручило попеченію ихъ.
Пошомъ и собственной инше-
ресъ умножилъ въ ней жа-
лосць, когда одна сосѣдка
разказала ей, что барыня
сія была дочь одного знатна-
го Лондонскаго купца, и хо-
тя отецъ отдалъ ее на жер-
шву жестокому и разврат-
ному мужу, однакожъ оста-
вилъ великое богатство сы-
ну, котораго онъ любилъ
единственнно, и что ежели
ее отецъ и умеръ, то ни

кто не усумнится, что ея мать, дядя и братъ, для которыхъ она была пожертвована, не только ее примутъ, но и не откажутся покровительствовать, они конечно наградятъ и тѣхъ, прибавила она, кто спасъ ее отъ смерти.

Какъ скоро Аманда (это имя Гжи. Гримсшавъ) въ состояніи была держать перо, то написала нѣсколько строкъ къ матери; но она такъ отъ сего отвыкла и споль была слаба; что съ трудностію

можно было читать письмо ее, которое Жое томъ часъ рѣшился отнести на почту въ собственннй городъ, запретивъ своей женѣ ни кому не сказывать, что они имѣютъ у себя въ домѣ Госпожу. Хотя Гримсавъ, говоря оны, и не въ замкѣ Марс-Бартонъ; но Ганай (такъ называли старую служанку, надзирательницу невесты) не приминетъ искать вездѣ Госпожу свою, и принудитъ ее молчать можетъ быть умертвивъ ее... а я вѣрно знаю, продолжалъ

честной крестьянинъ, что здѣсь скрываются дѣла ужасныя; о! въ этомъ домѣ живуть и кромѣ Гримстава, самые безчестные люди, и если бы отъ насъ зависѣла участь доброй несчастной первой его жены; то бы ее ни когда не погубили, ибо вѣрно это хорошенькое твореніе не умерло своею смертію; право! я быюсь объ закладъ, что гостья наша про это знаетъ вѣрнѣе всѣхъ насъ.

Дорошея давно была обижена симъ помѣщикомъ шѣмъ

Что онъ , прїѣхавши нѣкогда съ охоты , справилъ собаками парсятъ у отца Іакова , и отказалъ ему заплативъ за этошъ убытокъ ; всеѣ больше почему она одобряла всеѣ слова своего мужа и обѣщалась ни кому не обѣявляшь въ сосѣдствѣ ничего , въ разсужденіи Аманды.

Потомъ Доротея помогала больной всеѣми способами , которыя могло предложитъ усердіе ; — но мученія были такъ велики , страхъ , дурная пища и безпокойствіе

столь ослабили ея силы, что выздоровленіе ея казалось невозможнымъ , и даже не надѣялись, чтобы она пережила до прїѣзду ея родственниковъ. Три дни прошло послѣ побѣга ея, и честной Жюе началъ думать, что ея гонители боялись слѣдствія вразсужденіи ея ; а когда тяжкое состояніе Аманды начало не много поправляться — онъ прїискалъ лѣкаря, поручилъ больную его попеченіямъ и, приказавъ женѣ своей смотрѣть за спраждающей барыню, отправился въ

дорогу съ добрымъ намбрениемъ исходатайствовать помощь молодой несчастной Амандѣ , разслабленной тѣломъ и душою. —

Г Л А В А

Ш е с т а я .

~~Жак~~ прибѣгнувъ вопервыхъ ~~къ~~ ~~своему~~ помѣщику , жившему ~~около~~ 11 миль отъ священническаго дому , — къ одному изъ самыхъ сильныхъ

непріятелей Гримстава, который был также охотник до собак, но противной сь нимъ партіи вразсужденіи политики; почему широкство и безчестныя поступки его соперника пуще ожесточали сего добраго помѣщика. Изъ сего читатель самъ можетъ заключить, что онъ съ великимъ вниманіемъ слушалъ жалкое повѣствованіе, которымъ добрый Жюе спарался его пронуть, и радовался, что нашелъ случай отмстить челоуѣку, котораго смертельно ненави-

ся, но и увѣрилъ Жое, что онъ будетъ помогать всѣмъ, чѣмъ только можетъ облегчить участь и доставить самое дѣйствительное защищеніе несчастной Амандѣ; а жена его, слѣдуя внушенію добраго сердца и желая угождать своему мужу, побѣхала тотчасъ въ домъ священника съ намѣреніемъ привести къ себѣ сію молодую женщину столь рѣдкую своими несчастіями. —

Госпожа Баргровъ и Жое
но пріѣздѣ въ домъ отца Га-

кова нашли Дорошею въ кухнѣ, окруженную сосѣдственными вральями, такъ же и чепырьмя крестьянами, которые не хотѣли ихъ впустишь, не узнавши прежде кто шаковы. . . . но, увѣрившись, что добрая и благосклонная Госпожа пріѣхала содѣйствовать ихъ стараніямъ. Всѣ они къ ней пристали; иная изъ женщинъ спѣшила развести огонь, другая прибратъ получше комнату для благородной гостыни; а Дорошея не могла удержатъ удовольствія, чтобъ не раска-

затѣ какъ чрезъ нѣсколькоминутъ опрѣзда мужа ея, прѣехала къ ней мадамъ Танай, и какъ она сего испугалась и проч. и проч.

Я, сударыня, спирала въ кухню, продолжала сія несносная болтунья, какъ вдругъ вижу прѣзжаетъ дама; (однакожѣ должно замѣшить, что все это правда) я была шакъ вскружена, что не помнила себя. Она входитъ! Здравствуй Дорошея! съ позволенія вашего, это мое имя. Здорова-

ли ты? много милости ма-
дамъ Ганай, я отвѣчала ей,
будучи сама увѣрена, что
была блѣдна какъ эпокъ
плашокъ. Какъ вы видите,
сказала я ей, слава Богу! у
васъ все ли здорово? Ахъ, она
миѣ отвѣчала, я одна; нашего
господина нѣтъ дома, время
очень несносно, Дорощей! —
Это правда, отвѣчала я ей,
однакожъ оно для меня боль-
ше несносно, нежели для
васъ. Но куда уѣхалъ
Господинъ вашъ? — Онъ поѣ-
халъ въ армию на войну, ска-
зала она, биться съ бунту-

ющими Шотландцами ; его сдѣлали Капитаномъ. Я не мѣшала ей говорить , а сама продолжала шпирать и при-мѣчала , какъ она смотрѣла кругомъ горницы , устремля глаза на дверь перегородки : эшотъ домъ лучше , нежели я воображала , сказала она ; мнѣ очень хочется Доротея посмотрѣть вашу , спальню , — нечего глядѣть мадамъ Ганай ! отвѣчала я ей , (я не такъ была глупа , чтобъ студа впустить ее) да къ помужь баринъ не велѣлъ никому показывать горницы .

Прекрасная увертка! сказала Гжа Гаріровъ съ улыбкою.

Оставше меня спирать, повторила я, не зная какъ отдѣлаться; но я шебѣ немѣшаю, отвѣчала она, и потомъ безъ всякихъ церемоній, проходитъ мимо меня, всходитъ польспиницѣ въ горницу, гдѣ эта молодая дама лежала въ моей худой одежонкѣ въ то время, какъ я спирала ея плашье; ахъ Царь небесной! ееслибъ вы, сударыня, тогда увидѣли себѣд-

ное твореніе ! она начала кричать изо всей силы, а потомъ бросилась съ постели, какъ застрѣленная; вышедши изъ шерибнїя, сказала я этой варваркѣ : во что бы то ни стало но я васъ выгоню. Она говорила что не выйдешь, но по щастію въ ту минушу прїѣхалъ самъ Жое и Отець Іаковъ. Я позвала ихъ и рассказала имъ про безчинство, дѣланное Гжею Ганай. Они ее прогнали съ лестницы и вышолкали со двора ; мужъ мой такъ разгорячился, что клялся въ случаѣ

сопротивленія поволопіншъ безъ всякихъ церемоній эшу наглуую посѣщительницу; ибо, сказалъ онъ, я коротко знаю эшу залешную пшашку.

А когда эшу старую плутовку проводили со двора, то я возвратилась къ молодой дамѣ, которая мало по малу приходила въ чувство, и когда раскрыла глаза, то закричала какъ сумасшедшая. — Ахъ скройте меня! — скройте меня! — Ахъ! это — Ганай; и повсоряла это нѣ-

сколько разъ съ ряду. Иногда, ей Богу! она такъ меня пугала, что и я боялась сдѣлаться ей подобною; ибо она кричала, что видитъ привидѣнія какого нибудь убишаго, или дѣшати, потомъ она начинала говорить съ кѣмъ — то, котораго, она думаетъ, видитъ; — и въ несчастная Гертруда! говорила она, я не умерла!... Я тебѣ послѣдую!.. Чудовище содержишь меня еще въ своей власти..... Ахъ не помогай ему!..... Несчастливая Гертруда!...

Она повторяла сіи слова съ нѣкоторою разстановкою, не сказавъ мнѣ послѣ посѣщенія Ганай ни одного порядочнаго слова.

Я очень увѣрена, что если эта жалкая Гжа, ее увидитъ еще, или Гримсхавъ пришлетъ за ней, то она умретъ въ тужь минушу.

Госпожа Бартровъ поняла изъ сего повѣствованія, хотя и скучнаго, которое она съ терпѣніемъ слушала, что, какъ не знакомая несчастной

Амандѣ, она не могла къ ней войти, чѣмъ не повредить и такъ уже слабаго ея здоровья.

Однакожь приближеннымъ попечениемъ искуснаго лѣкаря, Аманда была въ состояніи на другой день переѣхать въ домъ Гжи. Баргроффъ; а по прошествіи трехъ недѣль ея отъѣзда изъ священническаго дома, пріѣхалъ изъ Лондона братъ ея съ двумя своими пріятелями съ шѣмъ, что бы вырвать ее изъ варварскихъ рукъ мужа, кошора-

го въ поведеніи подозрѣвала
вся ихъ фамилія, хотя они
и невоображали, до какой
степени проспиралось его
безчеловѣчіе и распутство.

Успокоенная Аманда ско-
ро получила новыя силы и
въ мнѹшы праздности она
написала для своей благо-
склонной благодѣтельницы
Тжи. Баргровъ повѣствован-
ія привидѣній и ужасовъ,
которыя она была подвер-
жена въ слѣдующихъ словахъ.

Г Л А В А

с е д ь м а я.

Опець мой, богатой Лондонской купецъ; мать моя была также дочь богатаго купца; — я получила воспитаніе не очень рачительное, однакожь я бы могла проводить дни счастливо и покойно, ешьли бы родители мои не имѣли твердаго намѣренія; чтобъ только одинъ сынъ ихъ былъ имъ наследникомъ. Они ни мало не беспокоили-

ся обв участи своих дочерей, или лучше сказать, совершенно оставляли их на произвол судьбы и желали только видѣть щасливымъ и богатымъ своего сына; а дочерей своихъ имѣли намѣреніе выдать за первыхъ, которые присватаются; для сего возили меня къ одному изъ моихъ деверьевъ, къ которому, какъ они знали пріѣдетъ Гиб. Гримставъ деревенской жишель, вдовой, — обладашель довольно великаго богатства. По нещастію эшотъ сельской Неромъ въ

меня влюбился, а я напросивъ, въ шу мунушу какъ взглянула на него, почувствовала въ себѣ повсемѣстной препенъ и смертный холодъ казалось застудилъ во мнѣ кровь и сердце; страхъ и отвращеніе мучили меня попеременно, деверь мой шутилъ надъ моею застыбчивостію; и я отвѣчала только слезами. На другой день Гиб. Гримставъ пріѣзжаетъ къ моему оцу, — и снова его видѣ меня пугаетъ, снова его голосъ приводитъ меня въ препенъ.

Истинно, мой любезной другъ, (такъ пишешь она) ешьлибъ я тогда знала, что нѣкогда сей человекъ будетъ моимъ мужемъ, то я думаю, что умерла бы отъ ужаса; но на этомъ свѣтѣ все успроено такъ благоразумно, что и несчастія приходятъ въ свое время, безъ чего мы бы не могли сносить всю ихъ тяжесть.

По прошествіи трехъ, или четырехъ дней, онъ открылъ свое намѣреніе моему отцу, которой одобрилъ его съ удо-

вольствіемъ. Какъ думано, — шакъ и здѣлаю, — и даже назначили день свадьбы; а я ничего еще не знала. Моя мать взяла на себя, меня увѣдомишь, запретивъ всѣмъ въ домѣ говорить мнѣ объ этомъ, думая, что я буду сопротивляясь, и всего болѣе опасаясь, что бы я не попросила ее отсрочить страшной для меня бракъ сей. Наконецъ я узнала отъ нее, что роковой часъ будетъ чрезъ восемь дней; шцетно я падала на колѣни передъ матерью, шцетно проспиралась я у

ногѣ отца своего ; и просила
его сжалишься . — Просила ,
говорю , ихъ скорѣе лишись
меня жизнию , нежели прину-
ждать вышпи за такого че-
ловѣка , котораго я не могла
видѣть ! — но все было беспо-
лезно ! — отецъ и мать оста-
вались не преклонными ; ни
одна изъ моихъ слезъ не упа-
ла на сердце , и жестокое мое
мученіе , не тронуло къ со-
жаденію ихъ хладнокровіе .
Предметъ корыстолюбія по-
тушилъ въ нихъ голосъ при-
роды и любовь родительскую ;
они почивали дочерей своихъ

невольницами , родившимся для мученія , или для распоряженія подобно всѣмъ собственнымъ вещамъ , по ихъ волѣ. Вошъ отъ чего по большой части привуждены мы женщины бываемъ играть на поприщѣ жизни роль бѣдственную и пятгостную !

Опецъ мой узнавши , что одинъ изъ его знакомыхъ привлекъ къ себѣ мое сердце , пошъ часъ рѣшился ему показашъ входъ въ домъ ; а меня моя родительница послала къ моей старшей сестрѣ,

которая была такъ же нечувствительна, — какъ и она, и которая меня никогда не любила. — Тамъ приказано мнѣ остаться въ верхнемъ этажѣ въ темной комнатѣ, гдѣ во время сей печальной недѣли я была опятощена совѣтами моей сестры и моего деверя; а между тѣмъ въ продолженіи сего времени, мать моя приуготовляла свадебныя наряды. Наканунѣ дня моего страшнаго замужства, она мнѣ возвѣстила съ видомъ ласковымъ, что завтрашней день назначена свадьба; —

потомъ она разкладывала всѣ уборы , которые мнѣ купила, думая , что сей приманчивой видъ роскоши, помиривъ меня съ моею участію и въ добавокъ представляла мнѣ примѣры такой-то и такой то госпожи , которыя и не имѣли и половины такого приданаго , и что они вышли замужъ только за простыхъ купцовъ; а мой женихъ былъ дворянинъ знатной, — богатой, — имѣющей, — большія — помѣстья , — прекрасныя загородныя дома.

Всѣ сіи вычисленія для
меня весьма были скучны , и
не могли , ни родить во мнѣ
любви къ Гримставу , ни
уменьшить моей страсти
къ Обери (это имя молодая
человѣка , къ которому я
писала въ невинномъ своемъ
сердцѣ нѣжныя чувства) .
Надобно сказать еще , что
никогда , съ самаго моего
младенчества ни одного ра-
за мнѣ не было позволено ис-
полнить что нибудь по сво-
ему мнѣнію ; и хотя я была
самая младшая , но родители

Мои не очень меня любили, и потому, я выполняла приказанія моего брата, сестръ и всей фамиліи. Я не знала ни одного человека, который бы мнѣ покровительствовалъ, или который помогалъ бы мнѣ противу — споянь споль сильному принужденію; а потому и не было средства къ моему спасенію. Мнѣ казалось, что я видѣла на лицѣ Гна. Гримстава, что чѣмъ болѣе я его ненавиждѣла, тѣмъ болѣе онъ ко мнѣ привязывался. — Онъ смотрѣлъ на меня такими глазами, какъ

дикой звѣрь разсмаприваетъ добычу, которую стремишься получить, мучимый алчностью. Ахъ! мой любезный другъ, наконецъ насталъ день свадьбы, ужасной день! Меня привезли въ церковь болѣе мершвую, нежели живую; я была въ такой слабости, что не могла ни слова выговорить. Потомъ вся семья пришла меня поздравлять съ замужствомъ и посадили въ карету, запряженную въ четыре лошади. — Вообрази! какво

быть одной; и въ такихъ обстоятельствахъ не было никого, кому бы я изъяснила свои горестныя чувствованія! кто могъ разсѣять страхъ мой? — Не было сердца, которое раздѣлило бы скорбь мою!

Вотъ уже и замокъ; — сильной ужасъ при входѣ въ оной овладѣлъ мною — *сѣ* *то мѣсто*, думала я, *бу-* *детъ* *моею* *гробницею*!

Первое лице, встрѣшившееся мнѣ была пожилая жен-

щина, которая казалась нарочно для сего наряжена была; — но приняла меня как обыкновенную пощипельницу. Она бросила на меня взглядъ любопытный, которой между тѣмъ показывалъ коварство и недоброжелательство, обнаруживающіеся протѣвъ воли ея. Ахъ! посуди сама мой другъ! въ какомъ положеніи было тогда мое сердце, — бѣдное мое сердце! . . .

Сверхъ безпокойства отъ такой встрѣчи, я въ первый

разъ разсталась такъ далеко съ моими родителями — и можешь быть на всегда... — а для чего? — чтобы быть жертвою безчувственнаго и распутнаго челоѣка, я уже имѣла ясное понятіе — справедливое доказательство характера Гримстава, коюрой на мѣсто того, чтобы заняться молодою, унылою своею супругою, во весь пухъ нашъ только что бранился съ лакѣями и кучеромъ. — Я, не взирая на свою молодость, покушалась приывать къ себѣ смерть, единственную

спасишельницу свою. — И увы!
сколько послѣ я имѣла при-
чинѣ проклинать свое пяго-
спное существованіе!

Ганай обѣдала съ нами и
управляла вообще всѣмъ до-
момъ; а меня ни о чемъ не спра-
шивали; мужъ мой поступалъ
со мною какъ съ ребенкомъ,
не думая ни когда слышать
объ чемъ нибудь моего мнѣ-
нія, а шѣмъ болѣе просить
совѣща. Но я тайно за это
благодарила его; ибо ника-
кимъ образомъ не хотѣла вмѣ-
шиваться въ дѣла съ Грим-

спавомѣ , или* его Фаворитскою , и считала блаженными шѣ минушы , когда я удалялась въ свою комнату , радуясь , что избѣгнула на нѣсколько времени ихъ несноснаго присутствія , не слышавъ болѣе звѣрскихъ голосовъ ихъ. Ганай сама назначала поутру какое надѣшь мнѣ платье , а прочія заперала въ сундукъ ; будучи увѣрена , что такое дѣля , какъ я , незнаешъ , что ему приличнѣе ; но для меня сіе казалось пріятнымъ , ибо я знала , что это была пустая

причина и что обижаясь
этимъ, я бы только удвои-
ла жестокость своей уча-
сти — съ другой стороны
всякое украшеніе было для
меня предметомъ совсѣмъ не-
занимательнымъ, и против-
нымъ моему состычанію. Кому
мнѣ было нравиться? своему
жестокому мужу? о нѣтъ!
эта мысль никогда не при-
ходила въ мою голову! я
желала лучше быть предме-
томъ его ненависти, потому
что она для меня вѣрно не
могла быть жесточе любви
его; подобные мнѣ

внушало мнѣ равнодушіе ,
когда лишили меня уборовъ,
излишнихъ для скорбнаго
сердца моего. Я проводила
цѣлыя часы одна съ моею
меланхоліею , и нѣсколько
листочковъ библіи одно мое
имущество , которые я нѣс-
колько разъ списывала , слу-
жили мнѣ единственнымъ у-
пражненіемъ. Когда осуша-
ла слезы , я выбирала замѣ-
чаніе , вытверживала наи-
зусь , что казалось сход-
нымъ съ моимъ положеніемъ.
Однажды вздумала я попро-
сить у Гримсшава позволенія

писать къ моей матери. — Опляюдъ не хочу, выпускашь изъ дому своего такого вздоръ, говорилъ онъ съ сердцемъ, мать швоя не имбешъ нужды знать обо мнѣ ничего больше, какъ что онъ меня уже слышала; совершенно запрешилъ мнѣ писать къ кому бы по ни было — я молчала. — Съ сей минушы моя ненависть къ нему усилилась и я утѣшалась только тѣмъ, что имѣла больше способовъ бытъ одной — сама съ собою въ темной моей комнатѣ. Я воспоминала ми-
Ж

лое имя Обери; ибо къ большому моему удовольствію Тримсавъ часто бывалъ въ оплучькѣ иногда цѣлую недѣлю а иногда и болѣе, и возвращаясь, обыкновенно былъ сердитъ, такъ что одна только Ганай имѣла къ нему доступъ; а когда сбивши всѣхъ слугъ со двора ему никого не оставалось съ кѣмъ бы онъ могъ насытить свое варварство, тогда онъ приходилъ въ мою комнату, куда я обыкновенно отъ него удалялась, спрашивалъ меня что я шутъ дѣлала. И на

всѣ отвѣты мои онъ лишь го-
речился и бѣгалъ по горнищѣ,
какъ бѣшаной до шѣхъ поръ,
пока его ярость приводила
меня въ безпамятство. Иног-
да онъ шазилъ меня въ залѣ
и въ присутствіи Ганай и-
мѣлъ сердечное удовольствіе
меня мучить, и не по-
бѣдимое мое шѣрабие и
скромность принуждали его
выдумывать какія вибудь
подлая причины, упрекать
меня, по тому что онъ не
имѣлъ ни какой дѣйствитель-
ной причины. Онъ часто го-
ворилъ мнѣ, что я сдѣлалась

чрезвычайно гнусна, одна-
кожь вмѣсто чтобъ симъ
огорчаться я чувствовала
пайно удовольствіе, и жела-
ла лучше быть самымъ дур-
нымъ и безобразнымъ творе-
ніемъ, нежели предметомъ
скопскихъ чувствъ его. Вотъ
какъ прошелъ первой годъ
моего несчастнаго замужства!
Сперва онъ представлялъ
меня какъ жену свою осо-
бамъ, которыхъ онъ принуж-
денъ былъ принять къ себѣ;
потомъ сажалъ онъ меня на
первомъ мѣстѣ въ столѣ;
одинъ, или два раза мнѣ ка-

залось, что нѣкоторые изъ гостей его на меня очень пристально смотрѣли; но какъ скоро вставали изъ застола, по Гв. Гримставъ высылалъ меня изъ гостиной, и я не имѣла никогда случая сказать хотя бы одно слово симъ повидимому сострадательнымъ людямъ; можетъ быть они облегчили бы тяжкое, несносное бремя адскихъ моихъ мученій.

Г Л А В А
О С Ь М А Я.

Настала осень. . . мужъ мой подъ предлогомъ охотника, удаляясь на поля, часто доставлялъ мнѣ удовольствіе быть одной. Однажды, когда отправился онъ, я отворила окно своей комнаты, откуда сквозь заборъ глядѣла на задній дворъ и слышала какъ Гримставъ бранилъ слугу своего. Я опасалась чтобъ дурное время не задержало его дома, ибо мужъ мой былъ чрез-

вычайно капризенъ ; часто приходила ему на дорогѣ мысль возвратиться назадъ, или въ минушу отбѣзда своего онъ находилъ какія нибудь причины оставаться дома ; — но на сей разъ онъ поѣхалъ. — Я видѣла его удалившагося, — за нимъ слугу, которой несъ ружье его ; и какъ топотъ лошадей и лай его собакъ были менѣ слышны, я почувствовала облегченнымъ сердце свое отъ чрезвычайной тяжести ; — вотъ какой ужасъ причиняло мнѣ его присутствіе ! что

одно утѣшеніе , одно щастіе было для меня его отсутствіе. Ганай , которая можетъ быть въ сердцѣ ненавидѣла его , была въ тошъ день веселѣе обыкновеннаго ; она мнѣ сказала , что нѣкоторыя изъ ея друзей Бакшкира (*) хотѣли пріѣхать къ ней сего дня обѣдать , и чтобъ я въ это время оставалась въ своей комнатѣ ; она меня элима очень одолжила ; — я не имѣла ни малѣйшаго любопытства знать ея друзей и со

(*) Ближняго города.

всѣмъ не желала быть въ ихъ
бесѣдѣ, хотя и слышала ихъ
пирующихъ, когда я послѣ
обѣда шла по лѣсницѣ въ
такъ называемой *старинной*
садѣ. Когда мнѣ позволяли
прогуливаться, то я всегда
выбирала это мѣсто, для
того что оно было скрыто
большею стѣнсю деревь. И
посрединѣ милой окрестности
былъ съ одной стороны рядъ
старыхъ алей, а съ другой
заборъ изъ дикаго терновни-
ка. Алей прекращались ро-
щницами, по срединѣ кошо-
рыхъ стоялъ споль до поло-

вины стчившій. Дикія травы и лавровой листъ росли около его такимъ образомъ, что не было къ нему другой открытой дороги кромѣ одной чрезъ алею ; и при всякомъ ряду дорогъ видны были кусты орѣшника споль древняго, что въшвыи его сплешаясь, сосшавляли родъ крышой алеи вдлину всего сада.

Ночь была темная и холодная ; рѣзвыя зефиры играли листьями деревъ. — Я прошла до конца еловой алеи и сѣла въ роцѣ на нѣкопо-

ромъ возвышеніи ; мертвое молчаніе царствовало по всему саду ; блѣдныя звѣзды мелькали сквозь тонкія облака и мгновенно исчезали , потомъ , какъ шеперь вижу , проглянула ясная луна , божество задумчивыхъ ; — свѣтъ ея спустился на вершинѣ нашего замка , на этой адской темницѣ , въ которой изсыхало мое сердце. — Тутъ я сравнивала тогдашнее свое положеніе съ тѣмъ , когда я находилась въ родительскомъ домѣ , среди любезнаго мнѣ семейства , слезы быстро ка

шились по щекамъ и тяжелыя вздохи стѣснили грудь мою. — Ахъ! гдѣ стѣ дни спокойствія и довѣренности, (говорила я тогда) въ которые сама *невинность* въ лицѣ милаго, Обери нисходила къ намъ, вмѣшивалась въ непорочныя наши забавы, въ которыхъ сей милой мой товарищъ раздѣлялъ со мною возшорги. (*) Ахъ какъ горь-

(*) Надобно замѣшить, что Обери былъ сынъ бѣднаго дворянина сосѣда нашего, и мы въ ребяческѣ всегда были вмѣстѣ.

ко покидашь любимую привычку, — дѣлишь время съ милыми, — но все въ мірѣ семъ шлѣбно; гдѣ здѣсь постоянное щастіе? — время лѣпится и махомъ мощныхъ крылъ своихъ гонитъ союзы людей, какъ въпры разносятъ легкую пыль. Въ задумчивости, нечувствителью обрашила я глаза свои на конецъ длинной алеи, гдѣ примѣтила образъ челоѡка въ бѣлой одеждѣ, котораго ношная шемнога препятствовала рассмотреть; мнѣ казалось, что это должна быть женщина,

и я не чувствовала никакого страха, воображая, что это была Ганай, или котораянибудь изъ ея пріятельницъ. Однакожь смотря прилѣжаніе, я примѣтила; что она махала рукою, подавая знакъ, чтобъ я къ ней приближилась. Я подумала, что пріѣхалъ Гримсшавъ и что не онъ ли послалъ искать меня, — встала и пошла прямо къ ожидающей меня женщинѣ; но помѣрѣ какъ я къ ней приближилась, она мало по малу скрывалась и наконецъ совершенно исчезла въ воздухъ.

Когда же я пришла на то мѣсто гдѣ она стояла, — то не примѣтила ни чего, я глядѣла во кругъ себя съ удивленіемъ, однакожъ безъ страха. Это слѣдствіе разспроеннаго воображенія. Я видѣла ни что иное, какъ стѣнь деревьевъ при захожденіи луны, думала я не могу извяснить какое то не понятное удовольствіе родилось въ душѣ моей — вмѣсто страха, ибо не было ни чего въ свѣтѣ чего бы я опасалась болѣе возвращенія Гримстава.

Между тѣмъ вечеръ началъ холодиѣть и темноша увеличивалась болѣе и болѣе.— Изсохшія листья, упавшія на землю, мѣшали мнѣ ийти и трещали подъ ногами; я хотѣла пройти въ ореховую алею, чтобъ скорѣе достичь двери, которая вела въ рощу, это самая ближайшая дорога къ замку; а между тѣмъ я все глядѣла на конецъ алей, и примѣтила остановившуюся подлѣ меня посрединѣ дороги фигуру, ту самую, которую я прежде видѣла; мнѣ показалось, что это была дѣв-

ка съ задняго двора, съ которой мнѣ запрещено было говорить, что однакожъ я дѣлала много разъ; въ чемъ наконецъ и была примѣчена, — добренькая всегда совѣщывала мнѣ быть осторожной. — Я продолжала итти, а таинственной образъ казалось стоялъ на одномъ мѣстѣ. Я находилась уже въ десяти шагахъ отъ него; видѣла, что это была женщина; удваиваю шаги свои, — но привидѣніе снова исчезло! . . . Смертной холодъ разлился въ жилахъ моихъ . . . Я смот-

рѣла съ великимъ безпокойствомъ кругомъ себя; колебалась я страхомъ, и вслушивалась, но ничто не прерывало ночной тишины, кромѣ легкаго колебанія сухихъ листьевъ, оставшихся на деревьяхъ. Едругъ черныя облака покрыли небо; Атмосфера находилась въ такомъ сильномъ движеніи, какое бываеетъ при наступленіи бури. Я спѣшу въ замокъ; вѣтеръ продолжительнымъ коидорамъ производилъ глубокое стenanіe, иногда прерываемое, что пуще приводило меня въ ужасъ;

наконецъ кое—какъ добрела я чрезъ множество горницъ въ шюрму свою. — Тутъ повсемѣстной прелепъ объялъ меня и я, безъ памяти, безъ чувствъ, бросилась въ креслы. Но кто изъяснитъ страхъ мой, когда я услышала плачевной стонъ изъ кабинета, которой находился чрезъ спѣну. — Я въ смятеніи охладѣла отъ страха! . . . Однакожъ чрезъ нѣсколько минутъ сильное любопытство возвратило мнѣ нѣсколько силы, и я хотѣла отворить въ кабинета двери, но легкой шумъ сно-

ва была слышима. Я остановилась — сердце замерло и холодный пот градом капался с лица моего Я совсем была без памяти, ничего не слышала — ничего не думала; и если бы не столбик кровати моей, за которой я удержалась, то упала бы на пол. Увы! . . . несуществовало во всем мире ни одно для меня бытие, которое бы одобрило робкую, — утбило спраждущую; да потому же комната моя была отдалена от людей, живших в домъ семъ; а посто-

му я и не призвала къ себѣ
напрасно кого нибудь на по-
мощь. Въ семъ жестокомъ по-
ложеніи я силилась обрать-
ся съ разсудкомъ — кого мнѣ
бояться? Думала я, и часто
слыхала рассказы объ духахъ,
и сверхъ естественныхъ яв-
леніяхъ, но всегда увѣряли
меня что однимъ только злымъ
они показываются, а моя ду-
ша и совѣсть не блали мнѣ
никакихъ утрызениі? — сло-
вомъ, я не должна бояться
мершвыхъ, потому что мнѣ
не лзя быть несчастнѣе въ
ихъ обиталищѣ. — И сіи то

причины подкрѣпили меня такъ , что я имѣла довольно силы отворить дверь моей горницы и доспичь въ концѣ длиннаго коидора маленькой лѣстницы , которая вела въ кухню , (*) что бы попросить себѣ свѣчи , ибо Ганай , занимаясь гостями , позабыла дать мнѣ оную. Я сходила тихонько , и лишъ только сдѣлала нѣсколько шаговъ , какъ мнѣ предешавилось , что идешь Кибека , которая при-

(*) Въ Англіи кухни дѣлающіяся въ землѣ.

носила мнѣ иногда обѣдать ;
я османовилась. Она увидѣла
меня , начала кричать , упав-
ши назадъ на приступокъ
лѣстницы. Я почти не знала ,
что говорить съ ней , и , на-
ходившись въ темнотѣ кое
какъ подняла ее ; услышавъ
голосъ мой , она мало по малу
успокоилась. Потомъ я взяла
ее за руку и просила раска-
зать , чего она такъ сильно
испугалась ; но немогла по-
лучить другаго отвѣта , кро-
мѣ отрывистыхъ восклицаній,
которыя ничего не значили.
Ахъ сударыня ! говорила она,

вы не знаете, какъ я испугалась! — но я эшаго сшою — мнѣ прошлой годѣ говорили правду, продолжала она со слезами; и я, неспрашивая ничего болѣе, просила ее только зажечь свѣчу для того, что бы развѣстѣ въ каминѣ у себя огонь. Она говорила мнѣ, что-то напрошивѣ — и о томѣ что было источникомъ ея страха; — Я пригласила ее взойти вверхѣ. На пупи Кебека продолжала свои восклицанія. У васѣ холодно! ахѣ я увѣрена сударыня! кто захочетѣ быть большею

госпожею , съ тѣмъ , что бы
жишь въ этомъ домѣ ? — Не
знаю — по крайней мѣрѣ не
я. — Напрасно просила я ее ,
чтобъ она мнѣ все обьяснила
это; но не могла ни чего дру-
таго отъ нее добиться , кро-
мѣ , что она меня увидѣла
на лѣстницѣ и почла за духа,
которой находишься во всемъ
домѣ, и котораго она видѣла
на заднемъ дворѣ , остано-
вившагося подлѣ перекладины
большаго анбара. Тутъ лю-
бопытство мое удвоилось ,
и я неотступно просила рас-
толковать , что все это зна-

чило. Ахъ жалкая барыня! вы это узнаете, опшвѣчала она. — Но какъ скоро мы приближались къ комнатѣ гдѣ могла насъ слышать Ганай, она перестала говорить и я не могла упросить эту добрую крестьянку, что бы, осталась со мною хотя на минуту. — Ахъ шутъ страшно, говорила она; — здѣсь пустая половина! — Я проводила ее въ кухню; люди тогда находились съ друзьями управительницы, — въ кухнѣ ни кого не было, и я съ удовольствіемъ осталась шутъ у

огня. Ужинъ, казалось былъ из-
готовленъ и множество сабакъ
лежало противъ очага; я раз-
судила, что для меня бу-
детъ ушщеніемъ и въ вѣко-
порыхъ случаяхъ защипой,
если хоть одна изъ сихъ
вѣрныхъ животныхъ пойдетъ
со мною въ горницу. — Меж-
ду ими была одна старая,
которую я ласкала, и кото-
рая иногда мнѣ сотоварище-
ствовала въ моихъ уединен-
ныхъ прогулкахъ. Въ
сію минуту мнѣ послышался
голосъ моей надзирательни-
цы. Я поспѣшила удалиться

отъ не пріятнаго для меня съ нею свиданія. Сверхъ того и Гнѣ. Гримставъ запрещалъ входить мнѣ въ кухню; я позвала усерднаго пуделя съ собою и взявши свѣчу пошла легонько въ мою комнату, опасаясь сморъшь въ кругомъ себя. Признаться вѣрный со-товарищъ мой нѣсколько меня успокоивалъ. — Но лишь только я доспигла до двери моей горницы, онъ началъ верчать сипраннымъ образомъ, и пустился назадъ съ такою скоростію, что я не успѣла его ободрить своими ласка-

ми , ужасъ овладѣлъ мною и я чувствовала себя полумертвою ; — на силу развела огонь , и съѣла ужинашь.

Тогда уже я не много ободрилась , и принуждала себя сколько могла , забыть предметы , наводившія на меня ужасъ ; а попомъ , заперши двери моей комнаты легла въ постелью.

Г Л А В А

Д е в я т а я.

Я не понимаю, какимъ образомъ, получивъ столь страшныя впечатлѣнія, — встревоженный духъ мой успокоился, и я могла заснуть; но это было не надолго. Черезъ нѣсколько минутъ пробудилась я какимъ — по шумомъ, и сквозь бапистовой мой занавесъ, старой изорванной, я видѣла фигуру споявшую проптивъ камина, въ которомъ

слабый, исплѣвающій огонь бросалъ блѣдной свѣшѣ по горницѣ. — Я приподнялась съ постѣли и отдернувъ занавесѣ, ясно примѣшила женщину, облокотившуюся на карнизѣ камина, наклоня голову на руку и стоявшую ко мнѣ задомъ. Недвижимая отъ страха была я нѣсколько минутъ, устремивъ глаза на нее; — вдругъ она оборачивается и приближается къ моей кровати. несказанной ужасѣ овладѣлъ мною; я дрожала! — умирала! . . . Фигура смотрѣла нѣсколько

минуть ; потомъ произнесла глухой стонъ подобной тому , которой я прежде слышала , она пробѣжала сквозь кабинетную дверь и исчезла. Кто изобразитъ положеніе, въ которомъ я провела остатокъ ночи ? и лишь только я увидѣла первыя лучи дня , проникнувшіе сквозь мои ставни, то съ радостію отворила ихъ и сидѣла пока совершенно ободнялось. Наконецъ полумертвая отъ безсонницы и страха , сошла въ кухню ; присутствіе мое въ неожиданной часъ и живое безпокой-

ствіе , означенное на лицѣ моемъ, удивили старую служанку которая была изъ любимыхъ Ганай, и которую я справедливо могла назвать другою моею надзирательницею. Что съ вами здѣлалось? ошъ чего вы, такъ блѣдны? спросила она меня. Я ей сказала, что привидѣніе пугало меня! скажите , — скажите объ этомъ управительницѣ, возразила она, то услышите, что она вамъ объяснитъ всѣ ваши пустые сны. Однакожь прошивъ моего чаянія, Ганай прислала за мной съ

нею вмѣстѣ завтракать. Служанка пересказала ей причину моего безпокойствія ; она начала прищворно смѣяться „и говорила , что такіе идеи „произходятъ отъ воображенія , которае конечно было „предубѣждено пустыми и „лѣпыми исторіями , о которыхъ сказывали , что злые „духи обитаютъ во всѣхъ „уединенныхъ старыхъ зданіяхъ , но я вамъ совѣтую „(говорила она съ видомъ добродетельства) не называть такой вздоръ вашему супругу , ибо это его

„взбѣситъ. Я отъ него много
разъ слышала, — что онъ
всѣхъ тѣхъ, которые пред-
ставляютъ подобныя нелѣ-
пости, желалъ послать на
погибель свѣтъ сотоварищес-
твовать мертвецамъ, кото-
рые ловили, или грызли
ихъ здѣсь : — и я васъ увѣ-
ряю, что онъ уже двухъ
или трехъ слугъ согналъ за
то палками со двора “ Ахъ!
думала я, какъ бы я была
довольна, еслибы онъ меня
также отъ себя прогналъ ; я
съ удовольствіемъ бы проси-
ла милосшыню до Лондона,

толькобѣ оставить сіе ужасное жилище.

Какъ бы то ни было, во время осшатка сего дня Ганай не была столь груба, какъ обыкновенно, и удержала меня съ собой обѣдать. — Лишь только мы хопимъ садисься за столъ, какъ раздался въ передней человѣческой голосъ; я дрожала, думая, что это былъ Гнѣ. Тримсавъ. Но какое было мое удивленіе, когда я увидѣла *Обери* молодато юношу, обладателя сердца моего, и которымъ я была сама любима!

онъ мнѣ показался чрезвычай-
но печальнымъ ; онъ привѣш-
ствовалъ мнѣ какъ хозяйкѣ
дома ; я видѣла сильное его
смятеніе, которое дѣлала въ
немъ удивительная перемена
въ моемъ лицѣ. Ганай спроси-
сила грубо, чего онъ хочетъ,
и кто онъ таковъ ? Обери
взглянулъ на нее съ презрѣ-
ніемъ неговоря нислова ; чтожъ
касается до меня, я боялась,
что онъ увѣдомишь меня о
смерти моего отца, или ма-
тери, или о другихъ несчаст-
ствіяхъ, случившихся съ моею
фамиліею . Я дрожащимъ го-
лосомъ обовсемъ распраши-

вала его и узнала, что всѣ здоровы; но, прибавилъ онъ, что они обо мнѣ превозмущены попому, что видѣли чудныя и ужасныя сны, и что они не могутъ быть покойны до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ ихъ пріятелей не увидитъ Аманды. Какъ скоро я сдѣлался опять товарищемъ (*) вашего бапюшки

(*) Обери былъ характера любезнаго и зналъ при томъ хорошо коммерцію, отецъ Аманды, какъ скоро она опъ него уѣхала, не боялся болѣе, что ихъ взаимная любовь распростиъ его въ предпріятіи, взялъ къ себѣ хорошаго человѣка; сдѣлалъ

продолжалъ Обери, по мнѣ было нужно ѣхать по его дѣламъ, и желавъ видѣть васъ, далъ крюку 40 миль чтобъ увѣриться, что все живы и здоровы. — Ганай слушала его съ нетерпѣніемъ и когда онъ кончилъ разговоръ, то сказала она: и такъ вы ее теперь видѣли, и я надѣюсь что сего будетъ довольно? Касательножъ меня я не имѣла власти унимать у себя ни

себѣ помощникомъ. Мы дѣлаемъ сіе замѣчаніе для того, что сказывали прежде, что Обери былъ выгнанъ; насъ бы могли обвинить въ прошивномъ.

кого во время отсутствія Г : Гримсшава. Я просила у этой жеештокой позволенія , пригласить Г : Обери оспашься оббдать, чтобб имбшь время освбдомитья обб родныхб моихб , о которыхб я споль долгое время ничего неслыха-ла ; но Обери опказался отб всего. О ! я надбюсь , при-молвилб онб , что мнб поз-волятб имбшь удовольствіе говорить сб вами на единб.

Ганай рбшишельно опка-зала ; „Естьли вы прібхали сюда за тбмб , чтобб раз-строивашь молодую жену сб мужемб , и влитб раздорб вб

его фамилію , такъ . лучше уѣхать (ибо продолжала она), гдѣ водится, чтобъ молодой человѣкъ котораго ни кто здѣсь не знаетъ пріѣхалъ сюда говорить съ женою Гна. Тримстава ? Я васъ прошу дружески опсюда уѣхать , и избавить меня отъ труда васъ выгнать .

Онъ ясно видѣлъ изъ моего смятенія , изъ взоровъ моихъ , что положеніе мое было ужасно , увѣрившись въ семейниіи своемъ грубостями Ганай . — Однакожъ онъ настаивалъ въ томъ , чтобъ со мной говорить ; фурія въ са-

момъ наивеличайшемъ бѣшенствѣ побѣжала къ двери: чтобъ позвать людей; воспользовавшись этимъ случаемъ, просила Обери, чтобъ онъ меня не оставилъ. — Именемъ неба! говорила я ему, спаси меня, если возможно! Я самая несчастнѣйшая въ свѣтѣ! Вы не знаете — ни кто не можетъ знать что я терплю! . . . Тутъ приходитъ Ганай и пономъ самымъ наигрубѣйшимъ повелѣваетъ снова Обери оставить домъ. — Онъ не слушаетъ ее. — Тогда фуриа кликнула двухъ людей и по-

слѣ крайняго сопротивленія принудили Обери выпити, что касается до меня, то я въ отчаяніи слѣдовала за Обери и не хотѣла его покинуть; но Ганай схватя меня за руку, осыпала самыми грубыми попреками обѣщаясь все это пересказать моему мужу и потомъ заперла меня въ одну комнату. Нѣсколько часовъ прежде ни что бы мнѣ не казалось ужаснѣе, какъ бытъ запертой въ сей горницѣ, но теперь сія жестокость совсѣмъ истребила страхъ мой, котораго ожидала по прїѣздѣ Тримстава. Его присуд-

ствіе сдѣлалось болѣе для
меня ужаснымъ нежели са-
мая смерть.

Наспала ночь и возврапи-
ла всѣ съ собою ужасы!
бьетъ полночь! Глубо-
кая тишина царствовала во
кругъ меня; внезапно спена-
ніе слышно было въ кабине-
тѣ. . . . Оно было столько
печально и удушливо, что
казалось послѣднимъ вздо-
хомъ! Я дрожала! —
предсказала! . . . — тщетно во-
ображала, что мнѣ нечего
бояться, тщетно хотѣла се-
бя увѣрить, что въ моемъ по-
ложеніи смерть для меня ста-

мовилась часъ отъ часу един-
ственную опрадою. . . . Ужасъ
попустилъ голосъ разсудка,
и всякую минушу умножалъ
страхъ, копорой колебалъ
мою душу; Прошло пол-
часа безпокойствія моего — . . .
Я вижу блѣдной свѣтъ и нѣ-
которое движеніе въ горни-
цѣ Ондергиваю заню-
вещ — и примѣчаю ту самую
фигуру, копорую я видѣла
прошедшую ночь Она
проходитъ сквозь кабинет-
ную двѣрь и становится у
поспели Я хочу кри-
чать Кликашь Без-
полѣзныя силы ! Языкѣ

мой онемѣлъ, голосъ подавленъ Однакожь глаза мои были устремлены на эту таинственную фигуру. Она примѣчала всѣ мои движенія—стоявши нѣсколько минутъ не подвижно, потомъ подняла руку тихо, махала ею приближаясь къ дверямъ моей комнаты и показывая, чтобы я слѣдовала за нею Вдругъ непонятное странное и непреоборимое побужденіе, принудило меня вспастъ съ моей постѣли, въ которую я легла во всемъ плашье. — Я спояла поодаль отъ сего не извяснимаго предмета . . . Но

какъ удивленіе мое увеличилось , когда я ее увидѣла проходящую въ дверь , ксторая съ вечеру была заперта ! Я не чувствителью схватилась за замокъ , Дверь отворялась ! Привидѣніе проходило впередъ съ фонаремъ чрезъ длинной калидоръ ; я слѣдовала ему , оно сошло съ лѣспницы ; я осполбенѣла наверху оной , удивленіе и страхъ колебали меня попеременно ; оно достигло до того мѣста , гдѣ лѣспница раздѣлялась на двѣ стороны , на лѣво , вела въ погребокъ ,

я на право въ кухню . Оно остано-
вилось, оборотившись ко
мнѣ, казалось приглашало ме-
ня слѣдовать за собою на
право , попомъ исчезая мало
по малу перемѣнилось въ голу-
бое изыблующееся свѣтлое об-
лако , которое разливалось
во кругъ меня и исчезало въ
темнотѣ . Постепенно колѣна
подгибались подомною ; чрез-
вычайная тяжесть тѣснила
грудь мою , я пришла въ родъ
погребя сдѣланнаго позади
кухни , въ которомъ были
навалены торфъ и дрова . Та-
инственный свѣтъ прибли-
жался къ двери другой стѣ-

ны, которая отворилась съ поспѣшностію при приближеніи моемъ и я очутилась на заднемъ дворѣ. Чудное сіяніе со всемъ изчезло! . На небѣ; было чисто; луна была на половинѣ пути своего; звѣзды сіяли на небѣ; — шумъ въ первой разѣ родилась во мнѣ надежда избѣгнуть варварскаго моего започенія.

Сія сладкая надежда удвоила мои силы; я глядѣла во кругъ себя и пошомъ нашла дверь — которую отворивъ вышла въ роуцу которая была передъ окошками спальни моей надзирашельницы; примѣтивъ,

что у ней еще былъ огонь, испугалась и спаралась скрыться подъ деревьями, хотя ихъ вѣтви были почти голы. — Еще неожиданное несчастіе ; — я разбудила большую злую собаку съ задняго двора, которая лежала подлѣ строенія. Она бѣжала ко мнѣ съ лаемъ . . . Я старалась уйти, но ноги мои пушались въ кореньяхъ дерева и въ изсохшихъ листьяхъ, по которымъ бѣжала ; я упала и считала себя погибшею ! . . . Тогда собака ушла отъ меня рыча и визжа , какъ будто кто ее ударилъ. Сей шумъ встре-

вожилъ Ганай и, о мой другъ!
какъ мое сердце билось! какъ
все мое тѣло дрожало! я ви-
дѣла ее отворяющую окно и
смотрящую въ роу. удивля-
юсь какъ она меня не увидѣ-
ла. — Потомъ зашворили она
окно; я боялась, чѣмъ она
не разбудила людей, и чѣмъ
сѣя, фурія не заперла меня
снова въ темницу, гдѣ я дол-
жна ожидать мученіи въ ты-
сячу разъ жесточе тѣхъ,
которыя уже до сихъ поръ
пришербвала. Стоявши нѣ-
сколько минутъ не подвижно,
не слыша никакого шума и не
примѣчая во всемъ замкѣ ог-

ня , кромѣ того , которой освѣщала комнату Ганай , я почувствовала смѣлость и тихонько прошла прешпектъ . По щасію попала въ дверь , которая вела въ малинкой садъ , объ которомъ я прежде писала ; я заперла ее на крючекъ — и тогда надежда избѣгнуть мученіи , придавала мнѣ новыя силы . Тисовой кустарникъ представлялъ выходъ — я достигла до грей , усѣянныхъ разными овощами , и вошла въ Алею ; мнѣ показалось привидѣніе , которое охладѣла мою смѣлость — и , какъ вамъ описать , при-

бавило ужасъ , кошорой колебалъ меня. Приблизившись на нѣсколько шаговъ — я увидѣла (ибо ночь была ясная и сѣверное созвѣздіе свѣтило великимъ блескомъ) человекъ или покрайнѣй мѣрѣ предметъ облокопившійся на деревянной столѣ ? . . . Меланхоликъ меня примѣшилъ — и въ ту же минушу вспаль, схватилъ меня за руку — я невольно вскричала и упала почти со всѣмъ безчувственнойю.

„Аманда ! милая Аманда !
какимъ чудомъ я васъ сдѣсь
вижу ? мнѣ казалось, что но-
вая пламенная кровь заструи-

лась въ жилахъ моихъ. Это былъ голосъ, нѣжной голосъ Обери !

„Обери ! вскричала я милой Обери не покинь меня ! и ухватила за его руку подобно несчастному, которой, ушопая, хватается за первой предметъ, которой можетъ спасти ему жизнь.

Я, не покину васъ съ моею жизнью ! отвѣчалъ онъ ; поспѣшимъ удалиться любезная Аманда.

Тогда я почувствовала въ себѣ все присутствіе разума ; слѣдовала съ Обери, которой меня велъ около забора, и

проходя ровъ, которой окружалъ его — я увидѣла себя за стѣною варварскаго обиталища. Тутъ мы очутились подлѣ не чистаго и дикаго болота, которое далеко простиралось; я глядѣла во всѣ стороны съ нѣкоторымъ ужасомъ; ибо ни куда не выходила при Гримставѣ и самъ Обери не зналъ сего мѣста; онъ меня повелъ очень скоро въ сторону на дорогу къ ближайшему городу, гдѣ онъ оставилъ лошадь въ пракширѣ. Мы, судя по долгомъ ночи, надѣялись до свѣту туда придти. Надежда выр-

вапсья изв сей ужасной шемницы, мнѣ придавало новья силы, мы скоро были на берегу рѣки, которую трудно перейти было, ежелибѣ мы не нашли моста, чрезъ которой перешли. . . Обремененная усталостію, — я събла на нѣскольکو времени, чтобѣ подкрѣпить себя, а между тѣмѣ Обери увѣрялъ меня въ безопасности сего мѣста.

Г Л А В А
д е с я т а я.

Потомѣ просила я милаго своего путевошителя разска-

затѣ какимъ сщасливымъ случаемъ онъ пришолъ меня спасши. Выключая предчувствіи, говорилъ онъ мнѣ, которые огорчали вашихъ родителей, ужасной поступокъ съ первою его женою, дошелъ до ихъ свѣдѣнія, что причинило имъ раскаяніе и чрезвычайное безпокойствіе; они желали чтобъ я васъ видѣлъ и ихъ увѣдомилъ о положеніи, въ которомъ я васъ увижу. По сей причинѣ, продолжалъ Обери, я пріѣхалъ въ ближній вашъ городъ, гдѣ тысяча голосовъ подтвердили всѣ ужасныя рассказы

слышимыя въ Лондонѣ. Мнѣ
сказывали, что ни кто васъ
не видалъ съ вашего шуда
прїѣзда, кромѣ приходскаго
священника, и что любимая
его служанка была дѣйстви-
тельной госпожею въ домѣ,
а ненависть всѣхъ сосѣдей
увѣрила меня въ жестокомъ
характерѣ Гримсвава; я
примѣшилъ, что люди, у
которыхъ я спрашивалъ оп-
вѣчали мнѣ съ принужденно-
стію, смѣшанною съ ужа-
сомъ; однакожъ всѣ увѣря-
ли, что мнѣ не возможно васъ
видѣть; и что лучшее сред-
ство, которое я могъ пред-

принять было то, чтобы войти к вам нечаянно в отсутствие вашего мужа. Я решился; но как приняла меня ваша надзирательница, в каком положении я видел вас вы знаете, и когда я принужден был расстаться с вами, не имея времени переговорить то, я пошел поспешно к маленькому трактиру, где оставил свою лошадь. Там встретился с старой косою и хромою женщиною, которая взглянула на меня такими внимательными глазами, что подала мне любопытство; наконец я ее видел во шед-

шую въ бѣдную хижину на концѣ селенія. Я за нею послѣдовалъ, и положила ей въ руку полшинникъ, которой она считала за величайшую сумму, просилъ ее мнѣ сказать, не знаетъ ли она чего нибудь необычнаго вразсужденіи владѣтеля замка Мара - Баршоуфъ.

Теперь милая Аманда, сказалъ Обери взявъ меня за руку, будете ли вы имѣть столько твердости, чтобъ слушать рассказы этой женщины. — Въ чемъ я его увѣрила, онъ продолжалъ.

„Увѣдомя меня, что она погибнетъ естли то, что она мнѣ скажетъ дойдетъ до

ушей Гримстава, она мнѣ сказала, что ни кто не знаетъ, что первая жена умерла не своею смертію, и что вмѣсто ее погребли кучу каменьевъ, что она была заключена въ подземелье, кончила несчастную жизнь свою, которую предупредили ядомъ, или чемъ нибудь другимъ, я знаю на вѣрно только то, продолжала она, что всякой годъ послѣ ее смерти ея тѣнь показывалась въ замкѣ и что многія ее видѣли.

Вы можете мой любезной и доброжелательный другъ, заключить изъ всего этого

съ какимъ чувствомъ слушала я сіе ужасное повѣствованіе, и воображая, что я была жена такого изверга можешъ быть попадусь еще опяшь въ его руки.

„Сія женщина, продолжалъ Обери, мнѣ сказала, что она была у нею въ работницахъ, но испугавшись всего эшаго, съ нимъ разочлась въ то время, когда показались привидѣнія; — и тысячу еще другихъ злодѣйствъ приписывала она супругу вашему и его управительницы. Сказываютъ, что братъ первой его жены, пріѣзжалъ къ

нему, чтобъ навѣстить свою сестру, которою онъ не видалъ съ самаго ея замужства; онъ ночевалъ въ его замкѣ, на другой день Гримспавъ съ нимъ поссорился и закололъ его, выключая сего, прибавила женщина, сказывающъ, что его шло перенесено въ кабинетъ, чтобъ тамъ его спрятали, пока это чудовище можетъ его унести. Я своими глазами видѣла отъ кабинета до конца гробницы на полу кровавыя пятна; я ихъ сама видѣла и сказывающъ, что дворянинъ много разъ заставлялъ скрѣ-

лишь полъ но что кровь снова всегда оказывается. Много разъ переворачивали доски, но кровавыя пятна появляющя пошъ часъ на самомъ томъ мѣстѣ, и сполько же красны какъ бы они сей часъ текли изъ раны. — Мнѣ помнился, что шутъ были лоскутки спарато ковра прибитыя къ полу отъ двери кабинета до конца длиннаго прохода. Однажды я туда уронила кольцо которое мнѣ дала моя бабушка; я хошъла посмошрѣть и дѣ коверъ не найду ли его тамъ, но Ганай взошла въ горницу и разсер-

дилась на меня, говоря, что нигдѣ не видано, чтобъ такъ рвань мебель и прибила опять коверъ крѣпче нежели прежде.

Хотя я могъ различить, что могло бытъ прибавлено въ словахъ этой старухи; однакожъ не могъ скрыть страха, прибавилъ Обери. — Я встала и взявъ Обери за руку продолжала идти съ чемерпѣемъ. Мы прошли я думаю по крайнѣй мѣрѣ три мили прежде, нежели достигли мѣста; день еще не показывался, когда же я отдохнула четверть часа, то продолжа-

ли сомою дорогу хопя я столь устала, что только страхъ попасъся въ руки моего тирана могъ мнѣ дать столько силъ сносить такія мученія.

На разсвѣтѣ мы прибыли въ городъ, и взошли въ трактиръ, гдѣ я надѣялась, что меня не увидятъ.

Ахъ мой любезной и милой другъ почти не могу продолжать! слезы быстро капаются по щекамъ моимъ; и хопя теперь освобожденная отъ всякаго безпокойства по милости благошворенія вашего, и почтеннаго вашего супруга; но воспоминаніе сей ужа-

сной минуты, приводить меня въ страхъ.

Посуди мой любезный другъ, посуди, какимъ ударомъ я должна быть поражена, когда на дворъ практира при входѣ въ конюшню, я увидѣла... Гримстава, садящагося на лошадь. Вмигъ онъ узналъ меня и съ ужасною бранью схватилъ меня за руку и посадилъ въ карету, обвиняя меня въ интригахъ съ Обери. Я ничего не слыхала, и была безпамятна; но не смотря на это онъ привезъ меня въ свое жилище — въ мрачной театрѣ жестокости и убивствъ

Когда я пришла въ чувств-
во, увидѣла себя въ глубокой
темнотѣ все что не
произсходило, мнѣ казалось
сномъ , и я съ трудностію
могла разобрать спранныя
впечатлѣнія во умѣ моемъ
ужасными сщеами . Когда
ушро просвѣтило сквозь став-
ни , я увидѣла , что находи-
лась въ самой той горницѣ
откуда привидѣніе меня осво-
бодило . Спустия нѣсколькo вре-
мяни , ширавъ мой и его зло-
умышленница взошли ко мнѣ
въ комнату — и самыми вар-
варскими способами прину-
ждали меня объявить , какимъ

образомъ я ушла изъ той горницы гдѣ Ганай увѣряла, что заперла меня. Приведенная въ отчаянность не имѣя болѣе никакой надежды я не просила состраданія, однакожъ привела ихъ въ недсумѣніе ужасными таинствами, которыя я имъ открыла.

Я сдѣлала симъ извергамъ такое описаніе всего, и что мнѣ Обери несказывалъ и то, что я сама знала, я обвиняла ихъ въ убійствѣхъ и окончила, прося у нихъ единую милость, лучше лишить меня жизни такъ, какъ отняли у двухъ жертвъ, своей

жестокости нежели оставишь
меня столь долго мучиться.

Лишь только я окончила
как вдруг слышанъ былъ
гробовой голосъ произнесшій
внятно слѣдующія слова :

„День мщенія настаетъ
Тримставу ! скоро ударитъ
часъ , ты заплошишь поно-
сною смертію за убійство
Герпруды и Евгенія ! “

Ужасъ опьяля у нихъ си-
лы , — безмолвныя отъ стра-
ха и ужаса, они другъ на
друга смотрѣли въ молчаніи
и ушли съ поспѣшностію запи-
рая дверь . — (*)

(*) Здѣсь въ манускриптѣ про-
пущено нѣсколько строкъ ,

Я тебѣ повторяю, что его несшало говоришь мнѣ ужасная *Метора*! . . . Веди меня въ окровавленной кабинетъ ; Тримспавъ опсправиль еѣ на шотъ свѣтъ. Въшь память , которую онъ мнѣ оставилъ по смерти ; шуть она , показала клокъ волосъ Варваръ ! закричала я , и упала безчувстввенно.

Пробѣжимъ поспѣшиѣ сего рода жестокости моихъ изверговъ , и приблизимся къ

кошорья сперлись опѣ сыросши , въ прощемѣ сѣе прерываніе ничего не значишь , и даже имѣешь выгоды сокращишь повѣспованіе , сокращая промежутки — изданія.

явленіямъ, которыя относятся къ моей участи. Миѣ, еще прежде развязки, мой любезный другъ! должно рассказать вамъ ужасныя сцены. Опять заключенная въ мою уединенную темницу съ большимъ надзоромъ, нежели прежде! и кто бы могъ меня теперь вырвать изъ ужаснаго моего положенія? . . . Мы увидимъ! . . .

Въ одну ночь въ концѣ Октября мѣсяца, (забышьте что я уже страдала годъ,) я была вдругъ пробуждена довольно великимъ шумомъ... Слушала, но все утихло, какъ

въ могилѣ . . . Деревенскія часы ударили полночь . . . И по прошествіи нѣсколькихъ минутъ , я услышала шумъ , которой разбудилъ меня . — Онъ слышанъ былъ изъ ужаснаго кабинета . . . Я посмотрѣла на дверь . . . Фигура показалась окруженная пурпоровымъ облакомъ ; спанъ шонкой высокой , въ бѣломъ саванѣ , лице блѣдное , глаза впалые — среди груди своей имѣла глубокую кровавую рану . . . Она приблизилась къ постели моей и спояла не подвижно . . . Однакожъ она несходствовала съ

пою которую, я уже видѣла.. Я силилась говорить, но страхъ сдѣлалъ меня безгласною.. Привидѣніе мнѣ показало мѣсто, отъ куда оно появилось... Тамъ сквозь густой дымъ коимъ она была окружена, мнѣ показался образъ женщины, которую я прежде видѣла, она держала въ рукахъ младенца, и приблизилась къ моей постели, устремля на меня багровыя и полумертвыя глаза свои.. страхъ, удивленіе и отчаянность вдругъ колебали меня! бытіе непоспимое наконецъ вскри-

чала я, скажи мнѣ кто ты! могуль помочь тебѣ! Привидѣніе исчезло и гробовой голосъ опвѣчалъ мнѣ :

Я Герштруда

Извергъ меня зарѣзалъ! . . .

Онъ зарѣзалъ сего дитя! . . .

Онъ зарѣзалъ моего брата въ семь кабинетъ! . . .

Уже три года тому, какъ онъ убилъ его въ самой э-

тошь часъ! . . . я пережила его только двадцать дней и двадцать ночей! . . . Ты меня опять увидишь въ такое же время . . .

Бойся подвергнуться подобной участи! Я еще слушала . . . но неслыхала ничего болѣе, я спояла, устремляя глаза на это ужасное привидѣніе . . . Но оно исчезло тихо, не примѣшно .

О мой другъ! Еслибъ я была предувѣдомлена, что привидѣніе придетъ посѣтитъ ме-

ня и говорить со мною въ полночь, то бы я собралась съ духомъ, и воображеніе не представило бы мнѣ такого ужаса. . . Однакожь видъ сей тѣни причинилъ мнѣ страхъ въ тысячу разъ меньше, нежели дѣла Гримсшава и его злоумышленницы.

Во всѣ слѣдующія ночи, лишь только ударитъ часъ, тѣнь зарѣзанной *Гертруды* показывалась и удушливымъ голосомъ повторяла содрогательное увѣдомленіе:

Берегись подвергнуться подобной участи!

О! Какъ ужасало меня это въ продолженіи всѣхъ сихъ ночей, сонъ былъ далекъ отъ меня; малѣйшій шумъ, свистъ вѣтра, который потрясалъ мои окончины; все заставляло меня дрожать! Я всякую ночь дожидалась со страхомъ часа назначеннаго привидѣніемъ. И когда оно исчезло, то раждалась во мнѣ мысль, что мой тиранъ поступитъ со мною подобно какъ съ Гершрудой — и

сердце мое замирало отъ ужаса. Я упрекала сихъ двухъ варваровъ. Видъ ихъ приводилъ меня въ смященіе и бѣшенство, и я была увѣрена, что они намѣрены были давно лишить меня жизни.

Герштруда общалась мнѣ показываться въ продолженіе послѣдовавшихъ двадцати ночей... Настала двадцатая ночь и доспомятная, ея пѣнь показалась. и мнѣ повторила.

Бойся подвергнуться подобной участи!

Блескъ свѣта привелъ воображеніе мое въ смятеніе. Какъ мнѣ освободиться? закричала я!

Привидѣніе, махая рукою, показало мнѣ дверь горницы... будучи побужденная инстинктомъ, я встала и приближалась къ нему... она отворила дверь, хотя сама я слышала, что Ганай запирала ее снаруживсякой вечеръ желѣзны-

ми запорами. Приведеніе уда-
лялось и я за нимъ слѣдовала,
оно меня повело чрезъ сводъ въ
пространной выходъ. . . Тамъ
показалась мнѣ гробница. . .
Вотъ гробъ пивой! сказало при-
видѣніе, злодѣи тебѣ уже его
приготовили; потомъ приви-
дѣніе исчезло. . . Тутъ силь-
ный ужасъ овладѣлъ мною, ко-
лѣна подо мною подогнулись и
я упала въ обморокъ .

Опомнившись нашла дверь
отворенную. Изъ которой вы-
шла изъ ограды замка — раз-

слабленная, опчаянная побрѣ-
ла кое какъ ; прошедши по-
шомъ, половину дороги окру-
женной заборомъ , которой
велъ до деревни, я принужде-
на была остановиться , и не
взирая на снѣгъ, которой па-
далъ хлопьями , я ешла на
встрѣтившейся мнѣ пѣнь под-
лѣ дороги. Тутъ я разсужда-
ла; что мнѣ дѣлать ! Будучи
мало увѣрена о безопасности
моего положенія , я не знала,
ктобы мнѣ покровительство-
валъ ? ктобы спасъ меня; и не
понимаю, какъ Ректоръ при-

шелъ мнѣ на мысль, но такъ я рѣшилась ийти къ нему, это духовникъ, сказала я сама себѣ, онъ долженъ бытъ снисходителенъ, онъ меня къ себѣ приметъ ! Сею утѣшительною мыслию иколеблющимися шагами приближалась я къ священническому дому ; но глубокой снѣгъ препяшпвовалъ мнѣ ийти, и удвоилъ мою усталость. Наконецъ усталая, слабая тѣломъ и душой, испытавъ сполько жестокостей и печалей, ушла я въ безпамятствѣ въ роуцѣ подлѣ Священническаго дома .

Прочее вы знаете, любезный друг мой! Но прежде нежели прекратимъ сіе повѣствованіе несчастныхъ приключеній моихъ, которыя испытала я въ продолженіи двухъ лѣтъ, я не могу, чтобъ вамъ еще не засвидѣтельствовать, такъ, какъ и вашему супругу, всю мою благодарность за ваши не ушомимыя попеченія, за ваше безпрѣдельное доброжелательство и безкорыстныя услуги, которыя вы мнѣ столь чувствитель-

но оказали ; и ешьли я не попадусь въ руки моихъ несныхъ предслѣдователей , ешьли возвращусь къ роднымъ и друзьямъ моимъ , то симъ щастіемъ буду обязана вашему соспрадапельному сердцу ; и сіе пріятное и ушѣшительное для меня воспоминаніе , никогда не выдетъ изъ моихъ мыслей . Наслаждаясь блаженствомъ , я увижу въ немъ ваши труды и образъ благотворителей моихъ , будешь находить ся со мною безпрестанно .

Но... вамъ не пріятно напоминать добрыя дѣла ваши. И такъ я кончу, желая всѣмъ имѣть рѣдкую вашу душу и друзей, вамъ подобныхъ. Симъ окончила несчастная Аманда свое повѣщаніе.

Теперь пора читателя вывести изъ недоумѣнія — что за привидѣнія представлялись Амандѣ? ... Что спасло ее отъ близкой погибели? — Это была управительница Гримсшава, которо-

му онъ, слѣдуя влеченію варварскаго своего сердца приказалъ пугать несчастную свою супругу, что бы уморить ее ужасомъ; ибо такая смерть доставляла ему больше удовольствія. Обери поткупилъ управителя, которой, выполняя приказаніе безчеловѣчнаго Гримстава, удовлетворилъ на конецъ и прозьбу Обери, которой безпрестанно заботился о спасеніи Аманды. — Вотъ привидѣнія, избавившія нашу Героиню отъ при-

гоповленного ей гроба. Онъ удаляясь отъ Аманды въ видѣ Гершруды поспѣшилъ уведомить Обери, которой по обѣщанію управителя дожидался назначеннаго часу; но они незастали Аманду на томъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ ее управитель, и думая, что она возвратилась въ свою комнату, уѣхали поспѣшно изъ замка, (ибо управитель опасался, что бы жестокой Гримсавъ не узналъ о намѣреніи его,) въ помѣстья Гна. Баргрова, надеясь, что тамъ подѣ за-

щишою добраго помѣщика и соперника Гримсшава, жестокой его господинѣ ничего не можеть ему сдѣлать ; но какъ восхищительно было удивленіе , когда они нашли здѣсь Аманду. Тутъ Оберирассказалъ, что онъ около году жилъ близъ замка ея варвара , стараясь всѣми способами спасти Аманду ; и управитель съ своей стороны изъяснилъ ей , что значили привидѣнія ей представляющіеся и проч. и проч. И когда здоровье Аманды по прави-

лось, то она, изъяснивъ благодарность своимъ избавителямъ, поѣхала въ Лондонъ съ братомъ Обери и съ управителемъ, гдѣ и открыли ужасное преступленіе Гримсвава. Аманда, возвращаясь въ объятія отца и матери, которыхъ она столь долго не видала, и которыхъ чувствуя отъ несчастнаго примѣра, что ихъ жестокость причинила столько бѣдствій ихъ дочери, — исправилась и употребляли всѣ способы, что бы она забыла ихъ жестокость и свои мученія, —

Это было не трудно, ибо душа Аманды была убѣжищемъ чувствъ самыхъ нѣжныхъ и благородныхъ.

Вскорѣ Гримспавъ возвратился въ свой замокъ; его схватили почтп со всѣми его окружающими и посадили въ тюрьму; выключая убивствъ, въ которыхъ вездѣ соучаствовала Ганай, открылось, что они содержали шайку разбойниковъ, которыя тогда причиняли великія раззоренія. . . Онъ окончилъ на

эшафотъ жизнь свою преисполненную злодѣйствъ и варварства .

Аманда вышла за Обери ; позабыла въ нѣдрѣ вѣрнаго и спокойнаго супружества окровавленные и сверхъ естественныя явленія; копорыя много разъ и спышывала ея бодрость... или когда и вспоминала объ нихъ, то вмѣстѣ благословляла Премудраго распорядителя судебъ , за ту щастливую переѣну, копорой она наслаждалась до глубокой старости.

Жое и Дорошея перешли кь ней жить , и служили св вѣрностію и усердіемъ весь остатокъ ихъ жизни , видя каждой день новыя знаки благотвореній отъ господъ своихъ. Чтожъ касается до Гна . и Госпожи Баргровъ , то они свели тѣсную дружбу св нашою Героинею и ея мужемъ , и пріѣзжаютъ кь нимъ на нѣсколько мѣсяцовъ въ Лондонъ каждую зиму. Здѣсь кончится исторія , въ которой спеченіе ужасныхъ и чудныхъ случаевъ подтвер-

ждають іспинну ; ни что не можетъ скрѣться онѣ провидѣнія Всемогушаго , что тщетное злодѣйство скрѣвап-ся подѣ щитомѣ безразсудной фортуны . — Небесное мщеніе постигнетѣ его въ минупу самой его безпечности ; ибо гоненіе добродѣтели есть проходящее облако , копо-рое всегда не можетѣ по-крѣвать яснаго Феба . — Сча-стливѣ , счастливи смерт-ный , укрѣваемой подѣ свя-щенной Эгидою добродѣте-ли ; онѣ не боится бурь , свирѣпствующихъ въ вре-

менномъ мірѣ — смотришь
спокойнымъ окомъ на всѣ
жизнейскія превращенности, и
на землѣ вкушаетъ райское
блаженство.

К О Н Е Ц Ъ.

